

Модернизация в России и проблема переоценки ценностей*

Системный конфликт и его разрешение

История российской цивилизации, по крайней мере, с точки зрения основной современной коллизии, – это история конфликта, борьбы и сдвигов между аграрно-феодальным, ресурсно-сырьевым социумом и социумом производительным и креативным, опирающимся на деловую и творческую активность индивидов, общества.

Считается общепризнанным у нас и в мире, что Россия располагает двумя главными преимуществами: природными богатствами и образованным, творчески одаренным населением. При этом если природные богатства используются в России нерационально, то человеческий потенциал – варварски и губительно.

Стремление вырваться из ресурсной колеи как в экономике, так и в социально-политической сфере – общий вектор и нашего развития. Ценность свободного, защищенного правом человека медленно, со срывами и откатами, но все же признается в том числе и нашими идеологиями, крупицами оформляется в институтах и входит в жизнь. Российская история с трудом, но все же соглашаясь с ценностями и подчиняясь нормам цивилизации, к которой мы себя причисляем, в самой общей своей направленности демонстрирует рост свободы, духовную и политическую эмансипацию общества, но:

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 09-03-00299а «Идеология и процессы социальной модернизации».

– вечно отстающую от мировых лидеров и потребностей собственного развития, в том числе от уровня внутренней эмансипации продвинутых групп, а нередко и основной части общества;

– рывковую и прерывистую, регулярно сменяющуюся откатами и срывами (порой крайне радикальными) в идеологическое мракобесие, политическую архаику и культивируемый социальный инфантилизм;

– непоследовательную и недостаточно глубокую, а потому не обеспечивавшую решения задач модернизации, не преодолевавшую отставания и вследствие этого хронически сменяющуюся попытками модернизации иного, надрывно-мобилизационного типа с их неизбежной частичностью, временностью прорывов, последующей демобилизацией и столь же логичными срывами в очередное загнивание.

Складывается типовой исторический цикл: поражение, ведущее к осознанию отставания и необходимости рывка, – либерализация неполноценная и непоследовательная, а потому не дающая нужного эффекта и не решающая проблем развития, – переключение в мобилизационную фазу, попытка рывка в экономике и технологиях ценой отката, а то и срыва в идеологии и политике – неизбежная демобилизация, ведущая в новый спад, вплоть до новых более или менее явных поражений и потрясений.

В начале XXI в. Россию вновь испытывает искушение провести догоняющую модернизацию в условиях политического подмораживания, управленческим усилием, «вручную» руководя процессом, а не создавая условия для реализации живых интересов и настроений общества, наиболее самостоятельной и продуктивной его составляющей. До сих пор у части руководящего истеблишмента популярны «экспертные» суждения о том, что модернизацию нельзя совмещать с либерализацией и демократизацией. Эфир опять заполняют старые песни о Главном.

В XXI в. в России попытки силовой модернизации заведомо обречены по целому ряду принципиальных обстоятельств:

– они могут быть лишь ограниченными и фрагментарными, позволяющими не более чем имитировать продвижение вперед на отдельных показательных проектах, а значит, в лучшем случае создать демо-версию модернизации, временно решающую идеологические проблемы власти, но не стратегические задачи формирования нового общества и новой экономики;

– они более не могут в необходимой мере опираться на административную, а тем более силовую мобилизацию, поскольку степень раскрепощения общества уже перешла критическую черту и «выжимать» население, подавляя социальное недовольство прежними методами, в России уже невозможно;

– они не могут опираться на сильную и действенную идеологию, поскольку ресурсы коллективного энтузиазма и идейной мобилизации исчерпаны на предыдущем этапе (советская индустриализация) и в обозримое время в сколько-нибудь значимых объемах невозстановимы.

Наконец, как отмечалось выше, модернизация, требующая создания наукоемкой, высокотехнологичной, инновационной среды, в принципе не реализуется по команде, в условиях несвободы, ужесточенного контроля и силового давления. В этом смысле исторический конфликт между ценностями государства и населения, интересами власти и народа, статусом аппарата и гражданина в XXI в. требует радикального разрешения. Формула «государство крепко – народ хирел» более не работает. С хиреющими народами государства в инновационной экономике не крепнут. Советская модернизация, использовавшая население как не вполне возобновляемый ресурс, была в России последней модернизацией такого типа. Новая, в том числе постиндустриальная модернизация требует принципиально иного отношения к человеку: и как к движущей силе развития, и как к требовательному потребителю его благ.

Отношение к народу, как к стаду, такое развитие в принципе исключает. Значит, это отношение должно меняться, и оно должно меняться на всех уровнях и во всех проявлениях: в культуре, в идеологии, в коммуникациях и средствах воздействия на массовое сознание, в политике, в системе управления, в экономике, в научно-технологической среде, в социальной сфере.

Либо этот конфликт будет разрешен, либо шанс будет упущен, и предыдущая модернизация станет для России последней. История, сама логика развития цивилизации этот конфликт на содержательном уровне уже разрешила. Противоречие между интересами государства и людей, власти и народа исторически исчерпано: теперь и впредь эффективно развитие, осуществляемое не за счет людей, а в интересах человека и его творческим потенциалом, в адекватных условиях, без избыточных политических, управленческих и паразитарных обуз.

За этими почти банальными гуманистическими формулами на этот раз стоит самая жесткая прагматика. Теперь это императив внутреннего развития и глобальной конкуренции. Несоблюдение этих принципов гарантирует, что страну окончательно вынесет на обочину мирового развития. А поскольку мы не можем позволить себе расстреливать студентов на площадях, вынуждать большую часть населения жить в земле и работать за чашку риса, нам может не остаться места даже во втором, а то и в третьем эшелоне.

Вопрос в том, удастся ли России создать реальные условия, устраняющие данный конфликт не только содержательно, но и организационно, политически. В XXI в. глобальные процессы ставят во главу угла конкуренцию институтов, институциональных сред. Выигрывает тот, кто создает оптимальные условия для развития собственных производств, высоких технологий и инноваций, а значит, для свободной самореализации человеческого потенциала, прежде всего наиболее «продвинутых» и активных граждан. Общества, проигрывающие в таких условиях, заведомо неконкурентоспособны, каким бы человеческим, творческим потенциалом они ни располагали.

Далее, за конкуренцией институтов проступает конкуренция ценностных систем, определяющих базисные отношения, внутренние источники саморазвития, а в конечном счете и сам институциональный каркас общества, основные организационности. Для России сейчас вопрос о ценностях важен вдвойне, поскольку модернизационное усилие приходится делать, отталкиваясь от смысла, в условиях, в которых текущая конъюнктура располагает скорее к консервации старых, бесперспективных институциональных схем и ценностных ориентаций.

Ценности ресурсно-сырьевого и креативно-инновационного социумов (семантический дифференциал)

Ресурсно-сырьевой способ существования автоматически сдвигает систему ценностей от индивида, гражданина, общества, народа к полюсу государства и власти, управления и коммунальных сборов. Если национальное достояние черпается из недр, а не создается людьми, власть превращается в верховного дарите-

ля, а граждане – в благодарных, хотя и всегда недовольных получателей. Наиболее престижным, доходным и перспективным, «поистине государственным» делом становится распределение и перераспределение, а не обеспечение производства и творчества. Главной ценностью становятся не люди, а структуры, их знаки и персонализации.

В идеологии это ведет к культу государственничества, великодержавности, символики власти. Ценности общего и целого начинают превалировать над ценностями индивида и приватности, лица. Государство утверждает свой престиж отдельными показательными достижениями, идеологически значимыми экспонатами, будь то открытия в науке, изобретения, технические чудеса, достижения в искусстве или спорте, но не качеством повседневной жизни граждан и условиями их духовного, нравственного развития. Страна выстраивает помпезный фасад (ВДНХ как суть не только советского, но и постсоветского режимов) и при этом тщательно прячет от себя и внешнего мира собственные «задворки», вмещающие подавляющую часть территории и повседневной жизни граждан. Достоинство человека, униженное духовно, политически, экономически и социально, гражданам предлагается компенсировать причастностью к государственному величию, реальному или мнимому. Парадные портреты заменяют прямое зеркало.

В политике это означает «естественные» ценности концентрации и персонализации власти, подавление гражданских прав и свертывание политических свобод; ограничение политической мобильности и ротации, консервацию зауженных элит, положений и статусов; зажим информации, формирование зон, закрытых для критики или даже простого объективного освещения; имитацию демократических и правовых процедур, политической жизни, общественной дискуссии и прочие суррогаты свободы. Случайный характер причастности конкретных персонажей к экономической и особенно политической эксплуатации сырьевого достояния создает неуверенность в элитах, стремление максимально устранить возможности открытой конкуренции и монополизировать политическое пространство. Остатки здорового консерватизма перерастают в страх перед изменениями как таковыми, в стремление подморозить, а затем и вовсе забетонировать ситуацию.

В системе управления это означает смещение ценностей в сторону администрирования как такового. В сознании чиновников и целых институтов вырабатывается ощущение собственной самодостаточности и самооценности. В этой системе представлений они не обслуживают производительную и креативную активность общества, но делают главное дело – распределяют ограниченный ресурс. В итоге к последнему, помимо квот, доходов от сырьевых продаж и т. п., начинает относиться и само право на деятельность, будь то производство, торговля, наука, творчество, изобретательство, образование и т. д. Здесь, как и в политике, воспроизводится отношение к населению, как к стаду. Естественной становится закрытость и чрезмерная централизация принятия решений, а как следствие – манипулирование авторитарным руководством со стороны средней и низовой бюрократии (ведомственный сепаратизм). Бюрократическое высокомерие имеет прямые организационные, экономические и социальные следствия. Избыточное административное давление в этой системе ценностей – не извращение, а естественное явление, выражение сути. Столь же органичны в этой системе массовая коррупция, бизнес на административных барьерах и прочие подобные проявления, отвергаемые риторически, но реально не подлежащие даже моральному осуждению, не говоря о реальных мерах. Наличие компромата становится таким же достоинством кандидатов на должности, как и отсутствие собственного мнения или способность держать его при себе.

В экономике это провоцирует «голландскую болезнь» не только в экономическом, но и в ценностном отношении: экспортно-сырьевая ориентация девальвирует собственное производство и инновации, в том числе как стратегические направления и общественно значимые занятия. Нынешняя искусственно усиленная инновационная риторика власти выражает стремление компенсировать этот явный ценностный сдвиг, пусть хотя бы на словах. Но при этом предстоит преодолеть столь же «естественные» установки такой системы координат: явно завышенную концентрацию собственности и сращивание бизнеса с государством и властью, нарастающий монополизм и свертывание свободной конкуренции, терпимое отношение особо крупного либо сращенного с властью бизнеса к административному давлению на экономику в целом,

разрастание паразитарных наростов, избыточно централизованная социальная нагрузка на бизнес с непрозрачными последствиями изъятий, смещения стратегически значимых статусов между отраслями, ироничное отношение к «отечественному производителю», спасаемому лишь под угрозой социального взрыва и явно неадекватными методами, и т. д. и т. п.

В социальной сфере это прежде всего ведет к росту сугубо потребительских, в том числе иждивенческих настроений. На массовом уровне подлинным жизненным успехом начинает считаться встраивание в системы власти и перераспределения или пристраивание к ним, а не самостоятельное дело. Соответственно распределяется социальный престиж. Все это свертывает активность, надежды на социальную мобильность. Жизненная пассивность сопровождается робким консерватизмом («не стало бы хуже»). Борьба за свои социальные права, вплоть до открытых выражений социального протеста, направляется на то, чтобы «получить», а не на требования радикально изменить условия собственной активности. Отсюда известная слабость гражданских инициатив и ценности конформизма, транслируемого из социальной сферы в политическую и наоборот.

При этом важно иметь в виду сквозной характер этих тенденций и проблем. Изменения политического стиля на самом верху с небольшим лагом, но в точности воспроизводятся и в отношении к гражданам со стороны регуляторов, разного рода административной «обслуживающей», представителей контроля и надзоров, инспекторов ГИБДД или социальных работников, измывающихся над пенсионерами. Несвобода заразна: она мгновенно спускается вниз и проникает во все поры жизни.

Пока все это – еще не приговор, хотя и крайне опасные тенденции. Более того, в ближайшее время текущая конъюнктура их будет поддерживать. Поэтому сейчас особенно важно определиться с тем, что выход из сырьевого тупика и построение общества, в достаточной мере обеспечивающего себя собственной производительностью и креативностью, предполагает опору на принципиально иную систему ценностей. Прежде всего это приоритетная ценность человека, его деятельностного, творческого потенциала, а не разного рода обслуживающих идеологических, политических, административно-управленческих, социальных и пр. надстроек.

Более того, человек в этой системе координат – не только креативная сила, но и самоцель развития, основных инноваций. В том числе требовательный, порой капризный потребитель. Эта ценность требует перестройки всей нашей инновационной системы, в том числе ее психологии, еще недавно умевшей обслуживать потребности обороны и государственного престижа, но никогда в достаточной мере не ориентированной на обыденные потребительские ценности и до сих пор крайне слабо нацеленной на собственно потребительские инновации. В привычной для нас системе координат возможны подкованные блохи и «Бураны», но не инновации, переворачивающие мир превращением уже существующего компьютера в обычный бытовой прибор. Без этой переоценки ценностей наши обычные производства никогда не станут конкурентоспособными на массовых рынках, а значит, не выживут.

Уважение к обыденным потребностям человека на более высоком уровне выражается в приоритетных ценностях человеческого достоинства. Это означает, что говорить о достоинстве человека как минимум проблематично, если людей вынуждают жить социальными подачками, в нищете и бытовой архаике. Этим иначе определяется и достоинство страны, государства, державы. Условия, в которых живут и работают люди, в этой системе ценностей могут как оправдать, так и полностью обесценить такую общенациональную символику, как мировой энергетический статус, успехи в дипломатии, маленькие победоносные войны, олимпиады или места на музыкальных конкурсах. В новом веке повседневные и при этом именно системные проблемы обеспечения жизни и деятельности граждан и в России должны стать критерием национального престижа и главным приоритетом общественного внимания, даже если это повредит престижу власти и отдельным рейтингам. Национальная гордость, в отличие от гордыни, начинается с отсутствия поводов для стыда.

Для статуса страны это требование принципиально не только в плане морали, статуса и символики, но и в сугубо практическом смысле. В наукоёмкой, высокотехнологичной и инновационной культуре именно среда повседневного жизнеобеспечения имеет решающее значение. Такова новая цивилизация. Теперь в мировой конкуренции побеждают не те, кто смог нарастить отдельные

разрушительные «протезы», но те, кто сумел обустроить жизнь и активность людей на «атомарном» уровне. Без этого в современном мире национальное достоинство неизбежно будет строиться не на реальных достижениях, а на театрализации успеха, на сетях воздействия на сознание. Без массовой опоры, создающей естественную среду генерирования и реального внедрения инноваций, любые инкубаторы, венчуры и технико-внедренческие зоны будут лишь более приличным и модернизированным оформлением хорошо известных нам «шарашек». В итоге, в старой системе ценностей обречена и сама держава, беспочвенны надежды на сильную государственность и национальное достоинство.

Проблема человеческого и национального достоинства другим своим полюсом затрагивает систему международных отношений и внешней политики. Геополитический прагматизм имеет немалое значение, но и известные пределы. Сближения или конфликты с теми или иными режимами должны в не меньшей степени базироваться на базисных ценностях и принципах политической морали. Если страна признает, что в собственное развитие в XXI в. ей необходимо инвестировать прежде всего Свободу и Право, то и внешнеполитический выбор необходимо делать именно в этой системе координат. При этом необходимо учитывать разницу в текущей конъюнктуре и стратегических интересах, в том числе и во влиянии геостратегических ориентаций на собственную идеологию, систему ценностей и внутреннюю политику («скажи, кто твой друг...»). Необходимо также учитывать, что подчеркивание «суверенности» нашей свободы, демократии и их правового обеспечения обычно ориентировано не на ценности национальной идентичности, а на оправдание механизмов консервации политического положения и организационных раскладов, на блокирование механизмов изменений, системных и персональных.

Столь же прагматический – инновационный, экономический, иногда почти коммерческий смысл имеют в новом мире ценности свободы. До недавнего времени еще можно было спорить о приоритетах индивидуальной свободы или интересов государства, самостоятельности лица или значения общности. В XXI в. выбор стал иным: либо свобода, либо отказ от перспектив креативного, инновационного развития. Либо государство путем осмысленного

и жесткого самоограничения создаст условия для свободной самореализации граждан во всех возможных проявлениях: интеллектуальных, общественно-политических, социально-экономических и пр., либо граждане никогда не сделают это государство сколько-нибудь сильным и процветающим. В наступившем веке свобода окончательно перестала быть роскошью, а стала условием развития; теперь она конвертируема и ликвидна. Можно по инерции, по складу характера или в силу политической ангажированности исповедовать и другие системы ценностей, но при этом надо отдавать себе полный отчет в том, что подлинно инновационная стратегия в них в принципе нереализуема.

Если Свобода необходима для человека, то в определенном смысле и Человек необходим для свободы. В этом плане первостепенное значение приобретает ценность таких человеческих качеств, как независимость и самостоятельность, ответственность, энергия и инициатива, динамизм и креативность, рефлексия и здоровый критицизм, нормальная рациональность, неподатливость на манипуляции сознанием, свобода от предрассудков и фобий, смелость и принципиальность, верность принципам и моральным нормам, уважение к закону и праву, нетерпимость к отступлениям от закона, к попранию прав человека и гражданина. В этой системе ценностей личная ответственность противостоит слепой лояльности, инициатива – управляемости, критичность – авторитетам, самореализация – служению, закон – приказу, право – силе, мораль – политическому и коммерческому цинизму.

Россия имеет перспективы в XXI в., только если сможет эти качества всемерно культивировать, поддержать именно этот человеческий генотип. Но у нас точно не будет перспектив, если мы будем поддерживать условия для развития иждивенчества и конформизма, разного рода паразитарных жизненных стратегий, некритичности и пассивности, повышенной управляемости, податливости на пропаганду и политической доверчивости, манипулируемости со стороны «политических» технологий, влюбленности в «тефлоновые» рейтинги и т. п.

При этом надо учитывать, что привычка к природной ренте воспитывает терпимое отношение и даже предрасположенность к ренте административной, к разного рода перераспределительным тактикам, социальным откатам и пр. Тем более радикальной

должна быть переоценка ценностей и изменение стратегий, нацеленных на поддержку той части общества, которая может быть некомфортной для всякого рода власти, но без которой страна так и не придет в движение.

Такой взгляд на вещи меняет представление о проблемах демографии, депопуляции. С точки зрения ценностей модернизации проблема народонаселения для России имеет ***не только количественный, но и качественный характер***. Депопуляция – это не только повышенная смертность, но и отток из страны наиболее ценных, квалифицированных и творческих кадров. Наряду с повышением рождаемости, важно появление у нас все большего числа людей активных, деятельных, самостоятельных, креативных или хотя бы не убыль этого человеческого потенциала. Если демографический рост не всегда напрямую зависит от качества жизни, то сохранение качества человеческого потенциала самым прямым образом связано с условиями существования в данной стране.

Проблема отнюдь не сводится к материальным ценностям. Не менее, а часто и более важными здесь оказываются ценности самореализации, мобильности и перспективы, признания и самоуважения, морально-правового климата, наконец, самого человеческого достоинства. Если институциональные, административно-организационные условия в стране будут не только неудобны, но и унижительны для всякого самоуважающего себя человека, качественная депопуляция неизбежна независимо от того, уйдут ли эти люди из страны или из дела.

Если политические условия сомнительны, а тем более оскорбительны для людей разумных, нравственных, уважающих собственное достоинство и достоинство других, модернизацию современного типа делать в итоге становится просто некому. Если модернизация XXI в. в России не будет связана с либерализацией, а системные инновации не затронут политическую и институциональную среду, цвет нашей нации будет модернизировать другие страны и внедрять инновации в чужих экономиках. И мы, как и прежде, будем плодить интеллектуальных гастарбайтеров.

В наступившем веке страну необходимо подстраивать под ***ценности наиболее продвинутой и требовательной части населения***, даже если это не всегда совпадает с интересами консервирующих себя «элит» или настроениями плотно обработанных

телевидением масс. Общество, в котором сомнительные воспитывают безупречных, а слабые и неспособные учат жизни сильных и талантливых, заранее обречено.

В итоге выдвигается такая «простая» жизненная ценность, как **безопасность, чувство защищенности**. В ресурсном социуме главное – безопасность государства, власти, системы, в том числе их защищенность от собственных граждан и от нежелательных изменений. Эта «ценность» реализуется погружением населения в пространство непрерывной опасности. В новой системе ценностей, наоборот, приоритетной становится безопасность граждан, в том числе их защищенность от государства, власти, разного рода надстроечных образований. Не только инновации, но даже обычное цивилизованное производство не могут развиваться в условиях избыточного вмешательства и запугивания. Государство, которое позволяет себе «кошмарить» своих граждан, само ввергается в состояние перманентного кошмара. И не без оснований: в инновационном мире запуганная своей же властью страна никогда не сможет обеспечить и достаточной безопасности государства. Соответственно, старая система ценностей ставит под удар целый ряд принципиальных для страны **суверенитетов**. Речь идет о суверенитетах экономических, финансовых, технологических, интеллектуальных, а в итоге – геополитических и территориальных.

Решение проблемы в XXI в. состоит в признании и неукоснительной реализации **основного суверенитета – суверенности человека, частного лица, гражданина, народа**. В этом смысле ко всякой «суверенной» демократии естественно адресован вопрос: она суверенна от кого? В свете реальных политических тенденций, которые эти идеологемы обслуживают, создается впечатление, что все начинается с независимости от внешней критики, а заканчивается суверенитетом «демократии» от собственных граждан. В действительности только подлинно суверенное общество может надежно гарантировать важнейшие суверенитеты стране, находящейся в перекрестье многих мировых интересов, связей и противостояний.

Безопасность и возможности самореализации для граждан и общества гарантируются одной из важнейших в современном мире ценностей – **Правом**. В свое время Новый Свет пришел к

необходимости заменить «право Кольта» культом Права, верховенством Закона. Россия в конце прошлого века также переместилась в новый мир, на свой «дикий Восток», хотя и не меняя территориальной прописки. Тем не менее тяга к переделам влияний, статусов и собственности до сих пор не позволяет ввести ситуацию в строго правовое русло. Вызов времени диктует необходимость впервые в российской истории *реализовать принципы верховенства права и диктатуры закона в полном объеме и без каких-либо индивидуальных исключений*, какими бы авторитетами они ни обосновывались.

От этого решающим образом зависит реализация еще одной принципиально важной ценности – достаточной стабильности. Для России, с ее перенасыщенной потрясениями историей, эта проблема стоит особенно остро. При этом необходимо учитывать, что в современном мире лишь развитые и устойчивые правовые системы гарантируют достаточный уровень стабильности. И наоборот: все, что держится на отклонении от принципов права, может иметь лишь слабо конъюнктурную, искусственную, а потому временную и очень ненадежную легитимность. Опасения, что кто-то может «раскачать лодку», в первую очередь связаны не с агрессивностью тех или иных групп, а с тем, что неустойчива сама «лодка». Театрализация политического процесса может вызывать самое искреннее зрительское соучастие населения, но только до тех пор, пока атмосфера в зале более или менее комфортна, а в антрактах нет перебоев с продуктами. Искусственно вызываемая любовь способна слишком быстро оборачиваться совсем другими чувствами.

В свою очередь стабильность своей обратной стороной предполагает реализацию, казалось бы, прямо противоположной ценности – *динамики изменения*. Российская история дает целый ряд впечатляющих и убедительных примеров того, как именно консервация устаревших систем, сдерживание назревших изменений или даже хотя бы их недостаточная динамика приводили к резкой дестабилизации общества, вплоть до революционных срывов. России действительно нужны десятилетия спокойного развития. Однако спокойное развитие, особенно в этом веке, может быть обеспечено лишь достаточной «крейсерской скоростью», а в нашей нынешней ситуации – и мощным ускорением. В этом контексте для страны первостепенное значение приобретает еще одна

кардинально значимая ценность – *время*. Это становится нашим важнейшим ограниченным и невозобновляемым ресурсом, к тому же стремительно сжимающимся.

Свобода и Право как ресурсы мобилизации

В известном смысле можно согласиться с тем, что если в России и будет модернизация, то ее будет делать государство, власть. На время прохождения точек невозврата сырьевая конъюнктура настолько «губительно благоприятна», что преодолеть инерцию сейчас можно только небывалым сгустком политической воли. Значит, мы опять обречены на *модернизацию сверху*, на очередной мегапроект.

Развилка в другом. Если власть будет видеть решение проблемы в том, чтобы «в ручном режиме» запускать процесс генерирования инноваций, дело обречено. Нанотехнологии в первую очередь надо запускать не в гипергрантах, а в оживлении инновационного процесса на микроуровнях, в атомарных и молекулярных структурах экономики и самой социальной жизни и прежде всего в оптимизации институциональной среды. Если у людей нет стимулов и условий для инноваций в микропроизводстве и микро-сервисе, в стране заведомо обречена и «большая» модернизация, даже если мы будем замахиваться на авиацию шестого поколения, космос и пр. Все начинается с инновационной среды, с общества, с самого духа инноваций. Чтобы все это было, сначала необходима приемлемая среда даже не для инноваций, а для производства как такового. Уже многократно озвучено, чем власть и в самом деле могла бы помочь реальному производству и инновационному процессу. Те, кто сталкивается с этими проблемами «на земле», солидарны в одном призыве: не мешать! О какой конкурентоспособности, а значит, выживании можно говорить с таким административно-паразитарным балластом?

Проблема в радикальном самоограничении власти. Это почти утопия, но эти слова должны быть сказаны.

Теоретически мы уже усвоили принцип: разрешено все, что не запрещено законом. Но сам по себе этот принцип не работает, поскольку в нем лишь половина модели. Он отнюдь не универса-

лен и распространяется только на граждан. В отношении чиновника действует принцип прямо противоположный: представителю власти разрешено только то, что прямо законом предписано. Все остальное ему запрещено, причем именно законом. Если же бюрократии отдана неформализованная инициатива, граждане неизбежно оказываются ограничены в своей свободе не законом, а благорасположением представителей власти, как правило, небескорыстным. Что мы и имеем.

Если не работают закон и мораль, полезно оценить экономические аспекты проблемы. В современном мире свобода и право экономически эффективны, они ликвидны и конвертируемы; повышенная волатильность этих ценностей рано или поздно гарантирует кризис, «доморощенный», но системный. Достаточно сравнить, насколько успешнее самореализуются наши же предприниматели, исследователи, проектанты, попадая в другую институциональную среду. Оптимальная среда и те же наши люди – это и есть готовая модель будущей модернизированной России. Если это сделать, у нас открывается шанс однажды узнать, на что в действительности способна страна, если ей не мешать отсталым менеджментом и паразитарными обузами. И тогда может оказаться, что мы и в самом деле прячем от себя и мира «русское чудо».

Коррекция ценностей: инструменты и институты

Нормативная модель, помимо собственно содержания ценностной системы, предполагает определенные инструменты ее изменения: институты, практики, состав включенных субъектов. То, как именно мы представляем себе процесс изменения ценностных ориентаций в обществе, а также и свое воздействие на этот процесс, значит ничуть не меньше, чем предполагаемая направленность изменений. История полна примеров, когда одиозный инструментарий полностью обесценивал декларации и давал результаты, прямо противоположные заявленным. Не меньше примеров беспомощности идеологических потуг, не оснащенных стратегиями и ресурсами, средствами трансляции, медиаторами, институциональной поддержкой и правовым обеспечением.

Конституция и законодательство: от символов и сигналов к моральным принципам и обязательным нормам

По поводу общенациональных ценностей, идей и базовых принципов российское общество и в начале XXI в. пребывает в смешанном состоянии: между растерянностью и неспособностью что-либо внятное сформулировать, с одной стороны, и полемикой на поражение – с другой. Вместе с тем в Российской Федерации принята и действует Конституция, в которой многое в этом плане сказано вполне определено. Проблема в том, что эти положения часто воспринимаются (в том числе во власти) скорее как символы или ритуальные знаки, в лучшем случае как заявления о намерениях, но не как подлежащие обязательному и неукоснительному исполнению собственно правовые, законодательные нормы. В широком смысле многие наши идеологические недоумения и дискуссии проистекают из того же правового нигилизма и неуважения к писаному Закону, что и в политике или повседневной жизни. В новом веке страна не выберется из хронического отставания и состояния полудемократии, если не перестанет относиться к заложенным в нашей Конституции базовым ценностям и принципам так, будто мы до сих пор обсуждаем первый драфт Основного Закона и еще только выбираем его идеологию.

Нас, многонациональный народ Российской Федерации, «соединяет общая судьба на своей земле». Это не риторическая формула, апеллирующая только к истории. Это также нравственная и правовая максима, направленная в настоящее и будущее. Эта максима морально и юридически дезавуирует такие жизненные стратегии во власти, политике, экономике и пр., в которых люди не связывают свое будущее и будущее своих потомков с «общей судьбой» и «на своей земле».

В жизни, как и в Конституции, с этого все начинается. Страна обречена, если элиты строят по миру запасные аэродромы, а персонажи, претендующие на символику лидерства, влияния и богатства, уже мысленно, а тем более экономически и физически там живут. Превентивное бегство предполагает совершенно другие мотивации, другую мораль, другие стратегии в отношении страны, экономики, себя и остальных людей, пусть даже бессознательные, другие практические решения, другие представления о политиче-

ской ответственности, другое отношение к общенациональным перспективам, угрозам и рискам. Утечка патриотизма, особенно в лидирующих группах, возможно, самое опасное настроение в стране, которой предстоит выживать, причем выживать именно за счет человеческого потенциала.

И наоборот: «любовь и уважение к Отечеству» в этих непростых условиях становятся сугубо практическими, «терминальными» ценностями, воплощаемыми или не воплощаемыми в реальных политических и жизненных стратегиях, в конкретных действиях, в этом смысле вполне анализируемых и оцениваемых, в том числе по объективным, считаемым индикаторам. Формулы «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями», «стремясь обеспечить благополучие и процветание России» достаточно ясно распределяют жизненные, стратегические приоритеты, прежде всего для власти и элит.

Главная политическая формула: «Утверждая права и свободы человека...». Полезно помнить, что США приняли свою Конституцию в условиях рабства, а избирательное право женщины получили там по историческим меркам и вовсе недавно. Но в XXI в. уже поздно «начинать издалека». Мы более не можем, не имеем права относиться к нашим конституционным нормам как к декларации о будущих намерениях. Наша Конституция действует в другом мире, в другом времени, в другой истории и в другой стране. Теперь и впредь отступление от этих норм – идейное или практическое, вольное или невольное – не предполагает исторической и политической снисходительности и уже сейчас должно преследоваться по закону, в том числе по Основному.

Не случайно редкое в конституциях упоминание о санкциях адресовано у нас проблеме власти. «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону». Эта конституционная угроза подчеркивает особое значение ценностей и принципов народовластия. Россия – «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Принимая Конституцию своей страны и тем самым давая себе и миру историческую клятву, народ устанавливает вполне определенную государственность, «утверждая незыблемость ее демократической основы».

Когда в мире (подобно Р.Проди) говорят о «суверенных демократиях», имеют в виду новые государства, в частности страны Восточной Европы и Балтии, претендующие на демократизм режимов и недавно обретшие суверенитет, а именно освободившиеся от доминирования социалистических союзов и блоков – не более. Для России акцентирование такого рода суверенности не актуально; более того, суверенитет России от распавшегося Союза до сих пор воспринимается в стране как историческая травма. Для нас острее проблема утверждения иной суверенности: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».

Вопреки идеям устаревшего государственничества, в нашей Конституции ценностные приоритеты определены категорически. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Далее нигде не сказано, что модернизацию в России надо проводить, свертывая демократизацию, а тем более «завинчивая гайки». С учетом особенностей модернизаций XXI в. это особенно дальновидно.

Если в идеологии Конституции необходимо увидеть и признать живую, действующую норму, то в обычном законодательстве полезно увидеть своего рода латентную идеологию. Общества, в которых главной формой наказания является лишение свободы, подспудно признают фундаментальный характер этой ценности, даже если массовое лишение свободы происходит в тоталитарных и им подобных режимах.

Ценности и идеи: от монополизации идеологии к открытому идеологическому процессу

Конституция РФ прямо запрещает огосударствление идеологии, какой-либо идеологический монополизм и диктат власти. Тем самым утверждается идеологический плюрализм, свобода и конкуренция идей, мировоззрений, ценностных ориентаций. Вместе с тем это не означает отсутствия идеологии государства как таковой, запрет на выработку и пропаганду государственной идеологии в принципе. Сами эти ценностные и правовые максимы, как

они заложены в Конституции, являются вполне определенными идеологическими принципами, могут и должны обосновываться и развиваться. По поводу последних общество должно иметь не только лапидарные декларации, но и мировоззренческие обоснования, внятные трактовки, развернутые толкования и пр. В этом нет противоречия, поскольку в данном случае, как и в ситуации с подлинным, глубоким либерализмом, мы выходим на уровень метаидеологии, то есть идеологических высказываний об идеологиях вообще, об их сосуществовании, об отношении к ним власти и общества, о самом идеологическом процессе.

Это тот уровень идеологического, который может и должен присутствовать в системе институтов, про определению «идеологически заряженных»: образование, армия, госслужба, дипломатия и пр. Соответственно, такая позиция метаидеологии и Конституции дает понятный фильтр: она делает неконституционными и политически нелегитимными любые идеологии, проповедующие идеологический монополизм, сращивание частных идеологий и государства, а также официальную пропаганду политических конструкций и практик, противоречащих политическим статьям Конституции страны. Идеологии, пользующиеся плюрализмом в целях его подавления, полностью воспроизводят схему установления тоталитарных режимов через «демократический» захват власти. Насколько мы пока далеки от представленного здесь идеала, настолько же немислима модернизация общества в целом без модернизации идеологического пространства и процесса.

Институты идентичности: от теневой идеологии к общественному контролю

С этой точки зрения в обозримом будущем необходимо преодолеть как минимум две тенденции:

– поползновения к установлению неподконтрольного обществу, узко централизованного идеологического контроля над «институтами идентичности» и идеологическим процессом в целом (теневая идеология власти);

– наполнение такого рода теневой идеологии установками, далекими от ценностей свободы и права, от идей модернизации.

В таких каналах, от программ на ТВ до школьных учебников и книжек, претендующих на выражение нового идеологического официоза, происходит стыдливая ревизия принципов и ценностей, с которыми страна вышла из посттоталитаризма. В частности, многие связываемые с властью трактовки российской и мировой истории по сути пропагандируют политические проекты, которые ни их авторы, ни тем более заказчики открыто озвучить не в состоянии, не потеряв лица и не поставив себя под удар обвинений в ревизии конституционного строя.

И наоборот, ценности свободы сейчас пропагандируются заметно меньше, чем даже в лицемерном свободолюбии советского идеологического режима. При этом со скандальными и одиозными сюжетами, в том числе связанными с ползучей реабилитацией сталинизма, общество сталкивается «по факту», в напечатанных тиражах и уже транслированных программах, которые, как считается, отвечают либо ожиданиям и вкусам власти, либо ее прямому заказу. Подлинный и превентивный общественный контроль отсутствует или имитируется форсированными, зауженными и канализированными, мало что решающими «обсуждениями».

Важнейшее условие модернизации России – «разгосударствление» идеологического процесса, вывод его из «тени» властного контроля и придание ему характера широкой общественной дискуссии в рамках метаидеологии идейного плюрализма.

Пространство СМИ: от массивированного пиара власти к объективной информации и свободе обсуждения

Информационное пространство – важнейшее поле битвы за модернизацию России в XXI в. И наоборот, если информационная война против модернизации будет выиграна, ни о каком приемлемом будущем для страны можно не мечтать. Ситуация в СМИ – точный индикатор того, на какой стадии прогресса или регресса мы находимся, остаются ли у страны перспективы или они уже наглухо закрыты.

Состояние системы ценностей, институтов, организованностей и практик, как в капле воды, отражается в массово транслируемом образе власти, в самом способе его построения. Ценности

человеческого достоинства, свободы и нормальной рациональности не предполагают массивированного пиара власти, тем более целенаправленного формирования замаскированных култов. Это по моральным и правовым мотивам исключает:

- создание «тефлоновых» рейтингов блокировкой ширококонтрастной критики в отношении сколь угодно высокопоставленных лиц, в том числе на государственных и контролируемых государством каналах;

- регулярное использование для политической саморекламы представителей номенклатуры информационных поводов, не имеющих отношения к функционированию власти, а также поводов как искусственно позитивных, так и в особенности трагических;

- саму идеологию «подарков», фундаментальную для примитивных обществ, развитую в советское время и реанимированную в последние годы (власть может только перераспределять и в принципе ничего дарить не может, так как не имеет ничего, что бы именно ей по праву принадлежало).

Вместе с тем это предполагает такие шаги:

- свободное выявление и сколь угодно острое обсуждение складывающейся в стране ситуации, характер и итоги развития;

- открытую критику власти, от конкретных действий до выработки и реализации стратегии национального развития;

- свободную возможность предъявления обществу альтернативных вариантов оценок, стратегий и путей их реализации.

Зажатость информации создает идеальные условия:

- для стратегического бездействия власти в обстоятельствах, становящихся все более напряженными;

- для консервации и усугубления ее ошибок;

- для дезинформации высших эшелонов власти вплоть до политического руководства со стороны средней и низовой бюрократии и сращивающегося с ней бизнеса с целью скрытого манипулирования властными решениями.

При нынешней политике в отношении информационного пространства модернизация не только обречена, но даже не начнется. Первым признаком старта модернизации станет освобождение СМИ, прежде всего телевидения, от контроля со стороны власти и отдельных политических инстанций.